

3 **З**иновий Ефимович, если бы вы стали за мной ухаживать, то как бы это выглядело? Представьте себе такую ситуацию.

— 30 лет назад я должен был бы показывать свои свойства, совершенно неотразимые, знания огромного масштаба.

— **А конкретно, вот чем бы вы меня взяли?**

— Ну стихами скорее всего. Ну, скажем, Пастернака и Пушкина, которого ты не знаешь, у него есть замечательные вещи. Я читал бы тебе Самойлова, Чичибабина. Я бы прижал тебя к стенке.

— **Уже интересно...**

— Ну, конечно, художественным словом и совершенной поэзией. Вот. А теперь что же? Чем же брать? Конечно, ты меня знаешь давно и что-то тебя привлекает в моем ремесле, образе (не хочу говорить имидж — придуманное слово), есть образ имени. Так вот, забота, видимо, состояла бы в том, чтобы как-то чуть-чуть разрушить представление обо мне и показать с какой-то совсем иной стороны. Но в чем-то поддерживать то, что тлело в твоей душе обо мне.

— **Ну а если бы стихи мне были бы неинтересны, так же как и ухажер, который "задавил интеллект"**?

— Понимаешь ли, в чем дело? Довольно сложно во мне найти интерес к тебе, если тебе совершенно безразличны стихи, если ты нехорошо говоришь по-русски. Я, помню, ухаживал в Гарге за немислимой красоты молодой дамой. И мы наконец-то пошли по пляжу вместе. Она мне рассказывала какую-то историю, там очень многое меня коробило в смысле русского языка. И закончила она так: "Да, как мало прожито, как много пережито". Боже, я думал: "Скорее домой, домой" (смеется). Так что тут...

— **Да вы, Зиновий Ефимович, эстет...**

— Да, да, сноб. А ты знаешь, что в снобизме есть свои плюсы. Я не был сексуальным агрессором. Хотя настоять на своем — удел любого человека, который хочет чего-то добиться. Но не это главное — повалить. Потому что, как говорил мой друг, замечательный поэт Михаил Аркадьевич Светлов: "Спать есть с кем, просыпаться не с кем". Понимаешь, в чем дело?

Кто-то из моих образованных друзей Канта читал. Представляешь, Канта? И у него он вычитал следующее: "Писанье, то есть мочеиспускание, — это единственное наслаждение, которое не оставляет укоров совести". Ха-ха-ха. Но я просто восхищен этим огромным наблюдением. Так вот, а все остальные наслаждения оставляют осадок, думаешь порой: "Ну зачем, зачем мне это было нужно?".

— **И много на вашей совести таких укоров?**

— По этой линии — их не так много. Но есть укоры, которые никоим образом не проходят. Мы жили в десятом квартале Новых Черемушек. Как-то у меня не завелась машина, а я должен был ехать на спектакль. Я побежал по улице и встретил жену Павлика Фурманского, драматурга. Он тогда лежал в больнице, и она тоже ловила машину. И вот подъехал автомобиль, я впрыгнул в него: "Передай Павлику привет" — и поехал. И только когда мы отехали, ударил себя: "Что же я делаю — она едет в больницу, а я на спектакль. Да черт с ним, если опоздаю на 15 минут, подумаешь, выговор влепят". Я развернул машину обратно, а она уже уехала, видимо, на другой. И вот я до сих пор не могу забыть чувство гадости, которую я сотворил. Жуткая гадость.

Ты понимаешь, в чем дело? Вот когда у нас прошла картина Абуладзе "Покаяние", все заговорили, что нужно покаяться. "С какой стати я должен каяться, в чем? Я ни в чем не виноват", — кричали партийные бонзы. Как это ни в чем не виноват? Забывают они, что попросить прощения, признать себя виновным — это самые сильные чувства.

— **Так было всегда?**

— Нет-нет, это, видимо, приходит с годами. Вот был случай в Олимпийской деревне. Я тебе говорил? Нет? Огромный зал, огромное количество народа. Получаю записки. И какой-то человек пишет мне: "Вы сказали, что бывшие репрессированные в сталинщину должны объединиться". Я говорю: "Конечно, обязательно нужно объединиться. Эти люди разрозненны, совершенно беззащитные и самые обиженные". Я что-то говорю про это. И вдруг из зала пожилой человек кричит:

— Товарищ Гердт, зачем вы клеветаете на историю нашей священной родины? А я считал вас фронтовиком.

Какая-то странная логика. Публика кричит: "Не отвечайте этому сталинисту".

— Извините, вы мне ровесник, я чувствую. Значит, вы были по другую сторону колючей проволоки, другого оправдания я не вижу вашим словам, — я ужасно волнуясь, мне кажется, что обидно ему ответил. Но как-то пришел в себя, уравнив дыхание, стал другую записку читать. И вдруг вижу, как этот человек встает и по проходу идет к двери. Пунцовый весь. А за ним идет мальчик лет двенадцати. Внук, который увидел обструкцию, устроенную его деду. Тут я понял, что сделал что-то ужасное. Мальчик (почти кричит!) Увидел фиаско деда. Я попросил у зала прощения и вышел на минуточку за кулисы. Картина стоит перед моим взором — что я натворил! При мальчике нельзя было (опять кричит!)

— **Когда человек проживает долгую жизнь, наверное, много переоценивается...**

— Да, да, да. Конечно, я многое понял не оттого, что я умный или много размышляющий человек (меня все вре-

мя ругает жена, что я занимаюсь самоуничтожением). На меня влияли и влияют люди, в которых я влюбляюсь. Оголтело. Не часто, но разочаровываюсь. Впервые я понял о Сталине на войне. Представляешь? Партийный секретарь полка — Иван Абрамович Агарков, замечательный человек, — рассказал мне о Сталине.

— Учи, я в партии, я честно служу этой партии, но этот человек ужасный. Когда ты кричишь "За Родину!" — кричи "За Родину", а не за этого тирана".
Недавно ушел из жизни прекрасный мой друг Орест Верейский. В его честь мы назвали нашего внука — Орик. Человек необыкновенный, ну совсем необыкновенный. То, что есть неистребимого в русском интеллигенте, было заложено в нем. Необыкновенен он был и тем, что очень хорошо знал свое место в цехе художников. Он внушал: "Не дай бог превысить свою значимость". Так же как и Твардовский. Я вижу Твардовского во всех проявлениях его поведения, и поступать иначе я не хочу. Не то что я подражаю ему. Но я знаю, что так надо. "Знай себе цену, но никогда не думай, что ты в чем-то лучше остальных", — как бы говорил он.
В "Докторе Живаго" есть замечательная фраза: "У него было дворянское чувство равенства со всеми живущими". Я скажу тебе, что весьма скептически относюсь к хипешу, который сейчас идет относительно дворянства, Дворянского собрания, то-се... Как будто принадлежность к этому сословию — охранная грамота: загода ты честен, умен, благороден. Хорошо, есть Андрей Болконский, но ведь есть и Василий Куракин — подонки из подонков. Также князь, его сиятельство. А герои "Горе от ума" — они что, из купцов? Крестьянский сын Твардовский был аристократичнее многих дворян, каких я знал.

— **А вы, Зиновий Ефимович, из каких будете?**

— Я из местечковых евреев. Это то, что называется "необразован всем". У меня семилетка, три года школы ФЗУ (слесарь я) и полгода военно-инженерное училище (подрывник). Два года театральной студии — это было основательно.
— **А как вы полагаете, сложилась бы ваша карьера актера, если бы не ранение в ногу?**

— А не знаю, сложилась ли бы вообще. Я впервые увидел образцовую группу в Новосибирске. Я был лежачий, меня клали в первый ряд. И я смотрел не столько на кукол, сколько на ширму. "Ширмочка, — думал я, — есть занавесочка, и никто не понимает, какой за ней артист — ровный или неровный". Я не знал, буду ли я ходить после ранения. Но у меня есть речь, хорошая русская речь.
— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **А вы, Зиновий Ефимович, из каких будете?**

— Я из местечковых евреев. Это то, что называется "необразован всем". У меня семилетка, три года школы ФЗУ (слесарь я) и полгода военно-инженерное училище (подрывник). Два года театральной студии — это было основательно.
— **А как вы полагаете, сложилась бы ваша карьера актера, если бы не ранение в ногу?**

— А не знаю, сложилась ли бы вообще. Я впервые увидел образцовую группу в Новосибирске. Я был лежачий, меня клали в первый ряд. И я смотрел не столько на кукол, сколько на ширму. "Ширмочка, — думал я, — есть занавесочка, и никто не понимает, какой за ней артист — ровный или неровный". Я не знал, буду ли я ходить после ранения. Но у меня есть речь, хорошая русская речь.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

— **Колоритный голос...**

— Колоритный голос — ха-ха! — да, колоритный. Высококолоритный голос, а бы сказал. После госпитала меня перевели в Москву, и я пришел к Образцову.

ет быстро-быстро, без запятой). В гору поднималась быстро легкая старуха с испеченным лицом с пустой кошелкой от семечек за новой порцией. Она шла быстро вверх а мальчики встречающие спросили: "Бабушка, что там на пляже?" — "А, горят, как шведы". Понимаешь?

— **Если не уходить от сути разговора — вы не простили Образцова, несмотря на действительно замечательные, а вы даже сказала, самоотверженные качества...**

— В общем, это история сложная. Он очень хотел, чтобы я ушел. И я ушел. Все это происходило на фоне смерти одной нашей артистки. Это было ужасно, ужасно. Мне казалось его поведение ужасным, ему — мое. А кто из нас прав? Это уже выяснится где-то в другой жизни.

— **Не будем о грустном. Зиновий Ефимович, в каком амплуа (эстрада, пародия, драматическое искусство) вы чувствуете себя "как дома"?**

— Как дома? Заслуга Валерия Фокина, режиссера и моего первого зятя (одна дама замечательно сказала: "Один из моих зятвев, а их было гораздо больше, чем дочек"), ха-ха-ха, так вот, Валерий как-то захотел переломить устоявшийся взгляд на Гердта. Он решил доказать, что Гердт — не комик, точнее, не только комик, но и драматический артист. И он инсценировал "Кузена Понса" Бальзака, и я это сыграл на телевидении. И был счастлив. А потом он специально для меня отщипнул английскую пьесу "Костюмер", ее перевели специально для меня, и я сыграл трагикомическую роль вместе с Якутом. Потом была пьеса Дордта "Я — Фейербах". В общем, я прекрасно себя чувствую в трагической роли.

— **А вы хотите, я скажу вам, чего не понимаю в артисте Гердте. Вот я не понимаю, как он может так говорить, а точнее, рассказывать, что я себя чувствую кроликом перед удавом.**

— А ты знаешь, что делает удав с кроликом? (В голосе коварство. — М. Р.) Ну ладно, кроликом перед удавом.
— **А к чему вы это?**

— А вот к чему: речь моя, как ты заметила, она не плавная, не легатю. Она с остановками, с "о", "э", "у", "а". Оказывается, когда я говорю, я ищу синоним, чтобы не сказать клише. Мне стыдно говорить клише. Замечательные рассказчики Твардовский, Ахмадулина. Я, видимо, очень удачлив, потому что судьба ставила меня на пути несказанных людей. За что? Не пойму. Актеров среди них нет. Никогда не дружил.
— **Вы же сами из этого сословия?**

— Да, вот из этого сословия. Актеры — милые люди, у нас дивные отношения, и мы с удовольствием выпиваем-закусываем. Но в гости — ни я к ним, ни они ко мне. Кроме Шуры Ширвиндта. Но никогда у меня не было серьезного романа с актрисой.
— **Это не привлекательно?**

— Привлекательно? (Скепсис в голосе — сто градусов.) Мда.
Конечно, нехорошо быть умудренным, то есть старым, по многим статьям нехорошо.
Старость, ты страшной увечья довела меня до точки.
Страшно противоречье — Существа и оболочки.
— **Все, я поняла, почему женщины покупают на стихи в вашем исполнении.**

— Готова, да? Ха-ха-ха, потрясающие стихи — это Давид Самойлов. Какие он мне стихи сочинял, боже! Вообще, ты знаешь, можно сделать такой одностопник, если собрать все стихи, которые мне подарили разные замечательные поэты.

Какая прелесть был старым, потому что у тебя огромное количество воспоминаний. Это не всплывает на поверхность до тех пор, пока ты не скажешь...

— **А что это такое?**

— На Севере думают, что одесский анекдот — это "Жёра, жарь рыбу". Одесцу надо слушать. Я шел как-то из Парка Шевченко к пляжу (далее рассказыва-

ет быстро-быстро, без запятой). В гору поднималась быстро легкая старуха с испеченным лицом с пустой кошелкой от семечек за новой порцией. Она шла быстро вверх а мальчики встречающие спросили: "Бабушка, что там на пляже?" — "А, горят, как шведы". Понимаешь?

— **Если не уходить от сути разговора — вы не простили Образцова, несмотря на действительно замечательные, а вы даже сказала, самоотверженные качества...**

— В общем, это история сложная. Он очень хотел, чтобы я ушел. И я ушел. Все это происходило на фоне смерти одной нашей артистки. Это было ужасно, ужасно. Мне казалось его поведение ужасным, ему — мое. А кто из нас прав? Это уже выяснится где-то в другой жизни.

— **Не будем о грустном. Зиновий Ефимович, в каком амплуа (эстрада, пародия, драматическое искусство) вы чувствуете себя "как дома"?**

— Как дома? Заслуга Валерия Фокина, режиссера и моего первого зятя (одна дама замечательно сказала: "Один из моих зятвев, а их было гораздо больше, чем дочек"), ха-ха-ха, так вот, Валерий как-то захотел переломить устоявшийся взгляд на Гердта. Он решил доказать, что Гердт — не комик, точнее, не только комик, но и драматический артист. И он инсценировал "Кузена Понса" Бальзака, и я это сыграл на телевидении. И был счастлив. А потом он специально для меня отщипнул английскую пьесу "Костюмер", ее перевели специально для меня, и я сыграл трагикомическую роль вместе с Якутом. Потом была пьеса Дордта "Я — Фейербах". В общем, я прекрасно себя чувствую в трагической роли.

— **А вы хотите, я скажу вам, чего не понимаю в артисте Гердте. Вот я не понимаю, как он может так говорить, а точнее, рассказывать, что я себя чувствую кроликом перед удавом.**

— А ты знаешь, что делает удав с кроликом? (В голосе коварство. — М. Р.) Ну ладно, кроликом перед удавом.
— **А к чему вы это?**

— А вот к чему: речь моя, как ты заметила, она не плавная, не легатю. Она с остановками, с "о", "э", "у", "а". Оказывается, когда я говорю, я ищу синоним, чтобы не сказать клише. Мне стыдно говорить клише. Замечательные рассказчики Твардовский, Ахмадулина. Я, видимо, очень удачлив, потому что судьба ставила меня на пути несказанных людей. За что? Не пойму. Актеров среди них нет. Никогда не дружил.
— **Вы же сами из этого сословия?**

— Да, вот из этого сословия. Актеры — милые люди, у нас дивные отношения, и мы с удовольствием выпиваем-закусываем. Но в гости — ни я к ним, ни они ко мне. Кроме Шуры Ширвиндта. Но никогда у меня не было серьезного романа с актрисой.
— **Это не привлекательно?**

— Привлекательно? (Скепсис в голосе — сто градусов.) Мда.
Конечно, нехорошо быть умудренным, то есть старым, по многим статьям нехорошо.
Старость, ты страшной увечья довела меня до точки.
Страшно противоречье — Существа и оболочки.
— **Все, я поняла, почему женщины покупают на стихи в вашем исполнении.**

— Готова, да? Ха-ха-ха, потрясающие стихи — это Давид Самойлов. Какие он мне стихи сочинял, боже! Вообще, ты знаешь, можно сделать такой одностопник, если собрать все стихи, которые мне подарили разные замечательные поэты.

Какая прелесть был старым, потому что у тебя огромное количество воспоминаний. Это не всплывает на поверхность до тех пор, пока ты не скажешь...

— **Григорий Горин, — сказала я, — передавал вам привет.**

— Горин? Да-да. Он необыкновенный, этот господин Горин. Писатель какой! И везучик ужасный. Он как-то приехал к нам в дачный поселок, пошел на пруд, где все таскали таких ма-аленьких рыбешек, закинул удочку и вытщил огромную щуку. А Арканов — тот наоборот, с ним все время что-то случается. Я могу рассказывать часами.

— **Вы как-то обмолвились, что жили в долгах и бедности. Актеры любят приобедняться.**

— Всю жизнь жил не по средствам. Это во-первых. Во-вторых, всегда женился. Я всегда оставлял все. Сколько раз? Нет, публике это неинтересно. Я снимал квартиры. Это было жутко дорого. Жалованье было небольшое, а застолье закатывалось на деньги оставленные на три месяца вперед.

Сейчас я сказочно богат. Ха-ха. Так нельзя сказать. Перестала существовать ставка, и получаю столько, сколько считаю нужным спросить. Был в Америке, в Израиле. Снимаюсь в кино (правда, выборочно). Нет боязни остаться наобах, отказавшись от предложения в кино или участия в концертах. Вот когда мы прилетели из Тель-Авива и у нас угнали автомобиль, который наш друг оставил в аэропорту, у меня не было ни капли страдания. Черт с ним — железо. Друга жалко, который очень переживал.

— **Прошу не обижать на меня Зиновий Ефимович, но у вас нет ощущения, что все лучше — в прошлом?**

— Нет! Нет!!! Такого ощущения не может быть, потому что я нахожусь совершенно, так сказать, в возвышенном состоянии души. Это связано со свободой. Я всегда страдал, притом что не испытывал особого давления, находясь за спиной Образцова. Вот я женился на Тане, в Каире. Можешь себе представить? Увел ее от мужа, а муж был в ведомстве таким строгим, и они (люди из ведомства) обиделись на меня за это и не выпускали в заграничные поездки с театром. Тогда Образцов пошел и сказал им: "Человек влюбился. В женщину". "Слава богу, что в женщину", — ответили ему. Ха-ха-ха.

— **Оказывается, вы способны взять и увести жену от мужа? Просто волк в овечьей шкуре, рассказывающий о скромности, о своем месте в жизни...**

— Увести? Да разлюбившейшее дело. Я влюбляюсь наотмашь. "В овечьей шкуре" — это все про меня. И "у вас все одно на уме" — тоже про меня. Как-то мы с друзьями играли в обмен женскими репликами: "только не это", "только не сегодня", "вам только это от меня и надо", "вы же будете меня за это презирать"... Ха-ха-ха. Это очень смешно.

Если серьезно — я никогда не жил так классно, как сейчас, — я целую жизнь врал. Врал за границей, когда общался с людьми. "У вас там черт-те что в СССР", — говорили мне. "Да что вы, с ума сошли. Вот я, я едзу по всему миру, приезжайте вы ко мне". Кошмар. Я врал, что у нас свобода и демократия. Притом что я, конечно, как говорил Пушкин, "ненавижу многие установления в России, но еще больше ненавижу, когда это чувство разделяет со мной англичанин". Я, конечно, хитрый человек. В самую гнусную пору застоя я догадался выписать журнал "Корей". Я читал его от первого до последнего слова и выходил в абсолютно свободное общество, в демократически свободное общество...

— **Которое вы третьего октября ходили защищать вместе с другими. Не дай бог, повторится эта ситуация — вы снова пойдете?**

— Конечно, я пойду. Хотя это то, что называется "я сам обманываться рад". Но всегда есть надежда — вдруг все переменится.

— **Или Бог поможет. В свете последних событий, знаете ли, больше не на кого рассчитывать.**

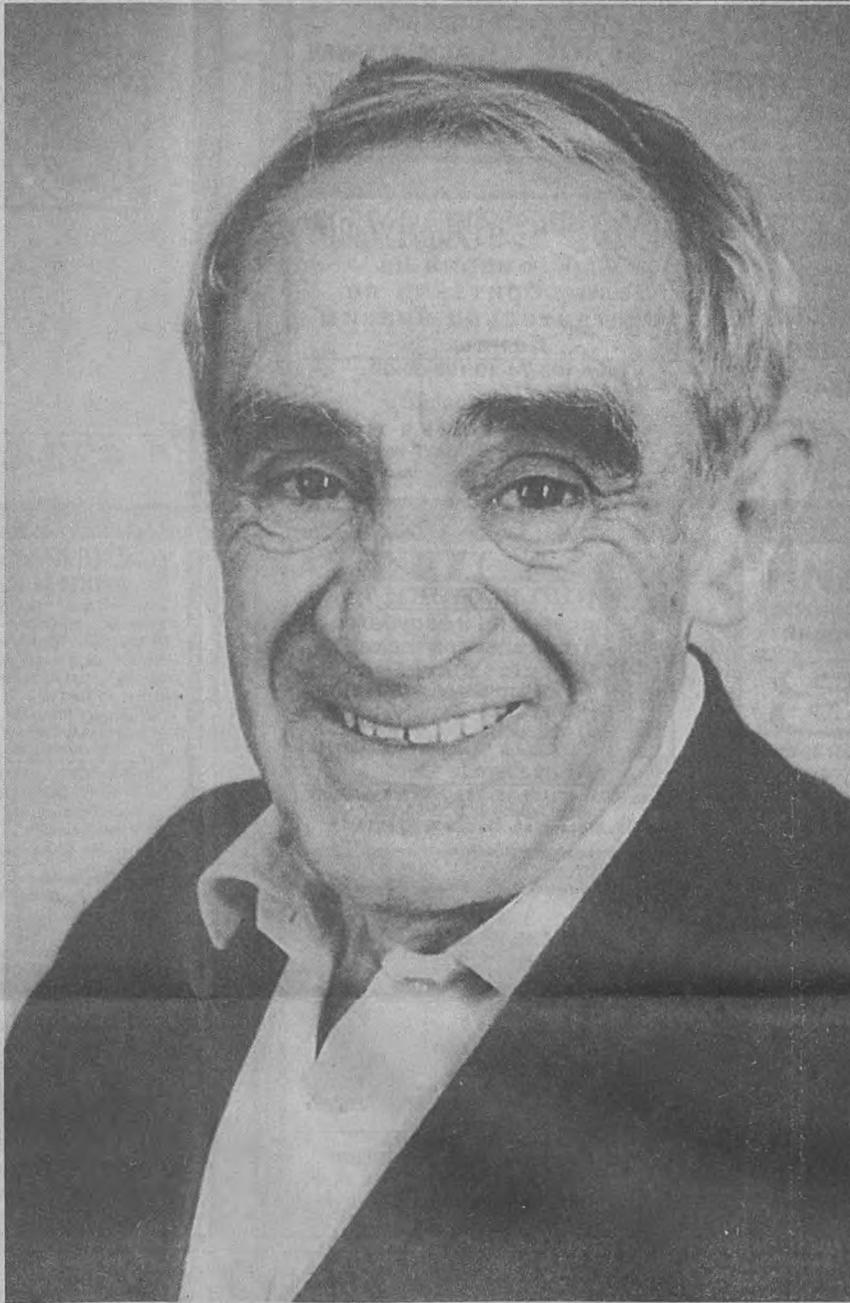
— Ты понимаешь, вот все молят Бога о своей следующей жизни. Это Богу противно, Богу неудобно, потому что забывается одна из самых трудных статей Завета, который я читаю: "Возлюби ближнего, как самого себя". Это забывается, а думают только о спасении своей души. Корыстное отношение к Богу. "И милость к падшим призывал". Откуда у этого народа, разделившего людей на врагов и героев, милость к падшим? Скажи! Он воспитан на героизме собственной истории. В школе учат только про победу. А про поражение?

Вот я и говорю: никогда не поздно подумать о покаянии. Покаяться. И возвести чувство собственной вины в орудие самосовершенствования. Если ты чувствуешь вину, ты суговев душой, шире, человеколюбивее, жалостливее...

Фото А. Изотова.

М. Райкина

Айсберг, классно живущий

— **36 лет вы прослужили в кукольном театре Образцова. Потом был скандал, о котором говорила вся Москва, и в результате вы ушли. Не жалко было? Все-таки 36 лет, такой кусок жизни...**

— Нет, нет, я не хочу вспоминать это. Образцов был детский, ужасно ревнивый, до смешного. Если мне много

в анекдотах". Я играю человека, который живет с самого основания Одессы, и рассказываю, что такое истинно еврейский анекдот.

— **А что это такое?**

— На Севере думают, что одесский анекдот — это "Жёра, жарь рыбу". Одесцу надо слушать. Я шел как-то из Парка Шевченко к пляжу (далее рассказыва-